

А. А. КАРЕЛИН

Что такое анархия?

I

Слова «анархический коммунизм» можно перевести двумя словами: «безвластие и равенство.» Слово «коммунизм» означает такой общественный строй, при котором нет частной собственности и материальные блага находятся в общем владении.

Слова «анархист-коммунист» можно перевести словами «вольный общинник.» Анархия отнюдь не означает беспорядка, а тем более не означает насилия человека над человеком, хотя слово «анархия» часто употребляется вместо слова «беспорядок.» Такая грубая ошибка делается то бессознательно, то с намерением. Люди настолько привыкли к правительству, что искренно думают о неизбежности полного беспорядка в общежитии, не знающем правителей. Точно также не так давно еще люди, привыкшие к царской власти, смешивали слово «беспорядок» с понятием «республика.»

Некоторые буржуазные и социалистические писатели — эти уже сознательно, — с целью опорочить анархизм, — называют анархией беспорядки современного или бывшего феодального общества, насквозь пропитанных властью. Выражаясь таким образом, они говорят неправду: скорее климат северной Сибири можно назвать тропическим, чем беспорядок этих обществ анархическим.

Но, конечно, не все буржуазные и социалистические писатели так недобросовестны. «Апостол социализма» — Цезарь де Пап писал: «Анархией должны кончить мы, увлекаемые силой демократического принципа, логикой и фатализмом истории». <...>

II

Общество безвластия и равенства невыгодно буржуазии, так как буржуазии нет места в таком обществе. Оно невыгодно богатой интеллигенции, хотя бы и социалистической, так как она лишится в этом обществе на более или менее продолжительное время своих больших доходов и возможности властвовать.

На учения, невыгодные для богатых и властных людей, всегда клеветали. <...>

Клеветали на христиан, клеветают и на анархистов.

Тем не менее, достаточно снять в наше время с глаз повязку, надетую общежитию буржуазией и жадными до власти политическими партиями для того, чтобы солнце правды блеснуло ярким светом, для того, чтобы прозрели обманутые клеветой люди и поняли, что беспорядок и насилие царят как раз в современных государствах, что они неизбежны и в социалистических государствах.

III

Большую ошибку делают те, кто говорят об анархистах, как о грабителях и убийцах. Неверно, что анархизм это такое учение, которое советует одним людям нападать на других, отнимать у них деньги, «делать экспроприации,» как говорят в подобных случаях.

Правда, были случаи, что и анархисты делали экспроприации, отнимали деньги, думая поддержать этими деньгами революционное движение. Но «экспроприации» делали не одни анархисты: их делали, например, социалисты-максималисты, их делали и лица, ничего общего не имевшие с анархистами и социалистами. Нередко бывало и так, что простые грабители называли себя анархистами и рассылали письма, под угрозой смерти требуя денег.

У анархистов нет комиссий, принимающих членов в ряды сторонников анархизма, поэтому кто хочет, тот и называет себя анархистом. Но из того, что слабоумный или преступный человек назовет себя анархистом, анархизм не станет глупым или нечестным учением. Ведь и во время первого, чистого христианства в ряды христиан входили всякие люди, да и теперь сколько угодно глупцов и преступников именуют себя христианами.

Борцы за обездоленное человечество давно уже заметили, что «жулики лезут» к революционерам в то время, когда последние побеждают. М. А. Бакунин, указывая на это, заметил, что «жулики» чувствуют, где может быть пожива, понимают, что может им принести выгоду и вмешиваются в революционное дело, если его можно эксплуатировать для личных целей. Конечно, он говорил также, что надо принимать меры для того, чтобы жулики не скомпрометировали революционного дела в общественном мнении.

IV

Анархия — это такое общество, в котором нет правителей, нет принудительной власти, нет управления человека человеком, нет тех мук, на которые отдают своих подданных правители за то, что первые не повинуются приказам последних.

Благодаря отсутствию принудительной власти, анархия есть совершеннейший порядок, полное спокойствие, справедливость, единение, содружество, взаимопомощь, сострадание, даже самопожертвование в их самых красивых проявлениях.

Анархия отрицает и считает вредной и унижительной государственную принудительную власть с ее мучениями, с ее ужасными тюрьмами, хуже которых не выдумал бы и собор дьяволов, с ее смертными казнями и с другими издевательствами и злодеяниями.

Отрицая принудительную власть, анархия отрицает за государствами присвоенное ими «право» угнетать нации, чуждые господствующему населению государства. Анархия отрицает принудительную власть в семье, «право» мужа обращать жену в служанку и рабу, делая невыносимой жизнь повинующейся ему женщины. Анархия отрицает власть родителей, рассматривающих детей, как свою собственность, портящих и мучающих их. Анархия отрицает принудительную власть хозяев-капиталистов и помещиков, дающую этим господам возможность угрозой голода и голодом заставить людей, нуждающихся в работе, повиноваться их приказам.

V

Ошибочными являются указания на то, что анархисты стремятся к разрушению общества. Анархисты прекрасно знают, что

люди жили и всегда будут жить обществами, что людям выгодно и приятно жить в общежитии. Анархисты стремятся не к разрушению общества, а к его спайке. Они стремятся к созданию гармонического, дружеского общества вольных и равных людей.

Анархисты знают, что государства, где так плохо живется массам трудящегося люда, исчезнут.

Государство — это антагонистическое (враждующее) общежитие, часть членов которого (правители) обладает принудительной властью, а другая (подданные) не имеет ее. Первые заставляют вторых повиноваться угрозами мучений и мучениями. Правители всегда эксплуатируют подданных путем взыскания податей и захвата разных предметов потребления.

Государство является таким же страшным эксплуататором, как все капиталисты и землевладельцы, вместе взятые. <...>

Анархическое общество не будет знать податного и капиталистического грабежа, так как анархия — это гармоническое (дружное), не знающее принудительной власти общество, в котором все добросовестно, по мере своих сил, участвуют в общественном труде и все равно участвуют в пользовании продуктами этого общественного труда, то есть общество, в котором не возможны эксплуатация и угнетение одних людей другими.

Анархическое общество возможно. Это признается даже социалистическими писателями-государственниками. Так, например, *Фридрих Энгельс* говорил:

«Общественные классы должны неминуемо исчезнуть тем же самым путем, каким они когда-то явились. С ними исчезнет и государство. Общество снова организует производство на началах свободной и равной ассоциации производителей и поставит государственную машину на подобающее ей место в археологический музей, рядом с прялкой и бронзовым топором». <...>

Х

Государство — это общество, часть членов которого, хорошо организовавшись, и, опираясь на учреждения насилия и лицемерия, правит по своей воле, плохо или вовсе неорганизованной частью общежития.

Пользуясь своей принудительной властью, государство опирается не на право, а на силу.

Все попытки оправдать существование государства считаются нами несерьезными. Нам указывают, что люди отказываются от права по-своему устраивать свою жизнь, потому что сами не могут установить мирный порядок общежития, что его устанавливает государство. Говорить о мирном порядке в наше время, перед очевидцами войны 17-ти государств, более, чем странно. Только государства могли создать такой кровавый беспорядок, ужасы которого мы переживали несколько лет подряд. Беспорядок, который могли бы внести в общественную жизнь отдельные лица, — детская забава перед кровавым беспорядком создаваемых государствами войн. Нет мирного порядка и внутри государств, так как и в них идет борьба — вражда классов, наций, религиозных сект и т. д. Война внешняя — этот кровавый бред деспотических и демократических правителей — будет бичом, постоянно хлещущим человеческий род, и исчезнет только с исчезновением государства. Только с исчезновением государств прекратится и беспорядок классовой борьбы.

Не менее слабо и указание на то, что государство является союзом свободных людей. Если бы эти слова и были справедливы, то и в этом случае ясно, что государство является не единственной формой такого союза. Но государство — это принудительное объединение рабов и рабовладельцев. Ведь *характернейшей чертой рабства является работа одних людей на других, а подданные государства работают, уплачивая подати, на правителей*. Рабочий люд живет в государствах в нищете, а нищета есть рабство. Не свободен тот, кому приходится вымаливать себе работу у эксплуататора. Не свободны в государстве солдаты, набираемые в армию под угрозой тяжких наказаний. Нет свободы там, где приказ правителей (их законы) распоряжается условиями жизни людей и их личной неприкосновенностью.

Нам говорят, что государство мешает одним людям мучить и обижать других, мешает зловредной деятельности преступников. И это утверждение ошибочно: государства существуют в течение тысячелетий и не могли уничтожить и даже уменьшить преступность — кость от костей этих государств, порождение этих государств. Государство только мстит преступникам. И мстит так свирепо, что под влиянием его свирепости люди грубеют и делаются преступниками. Оно создало организации для мучения людей и, наряду с преступниками, терзало благороднейших из людей.

Конечно, государство является примиряющей силой в той борьбе, которую угнетенные и эксплуатируемые ведут с угнетателями и эксплуататорами. Но эта примиряющая сила добивается «примирения», уничтожая силу сопротивления людей, борющихся за справедливость, и поддерживает врагов благосостояния и свободы народной.

Государство убивает взаимопомощь и губит самодеятельность, развращает и правителей, и подвластных. Такова его деятельность. Все же то, чем люди живы, создается обществом вопреки государству. <...>

Все, что правительство делает для общества, без его вмешательства, было бы сделано более полезным или менее вредным для общежития образом. Правительство всюду вносит свое развращающее влияние, всюду вносит свой приказ, насилие, всюду старается создать для себя опору, создать иерархию, привилегию. <...>

XIII

Правительство, насилующее других людей, само развращается и развращает подданных. Элизе Реклю был безусловно прав, говоря, что всевозможные искушения, которым подвергает правителей «занимаемое ими положение, почти фатально заставляет их падать ниже общего уровня.» И, действительно, таких злодеев, развратников и негодяев, как русские цари, например, нельзя было найти среди подданных.

Глубоко развращенные правители развращают тех, кто соприкасается с ними, развращают и силой, и подкупом. Под угрозами тяжелых наказаний они учат молодежь искусству убивать других людей, вербуя юношей силою в солдаты и внушая им, что убийство — дело хорошее. Они подкупают направо и налево, требуя от подкупаемых лиц определенных услуг (услуг чиновников). Они подкупают ученых, платя им жалованье, как профессорам. Они обращают часть подданных в таких холопов, которые и представить себе не могут, что значит быть свободными. Они создали судей — этих холодных палачей, страшные преступления которых заставляют содрогаться не слепого человека.

Правительство, постоянно грозя насилием и насильничая, совершает самые подлые преступления над людьми вплоть до убийств беззащитных и сеет преступность. <...>

XX

Собственностью называется право пользоваться и *злоупотреблять* своею вещью, поскольку это разрешается законом*.

С незапамятных времен закон разрешает собственникам злоупотреблять принадлежащими им вещами, эксплуатируя, то есть обирая при посредстве этих вещей других людей. <...>

Первым собственником был человек, злоупотребивший оружием, которое служило ему для защиты от зверей и охоты и направивший это оружие против другого человека.

Собственности противопоставляется нами владение вещами без права злоупотреблять ими. Владелец вещи пользуется ею для удовлетворения своих потребностей или потребностей своих близких и даже дальних, никого не эксплуатируя и не обирая. Такое владение вещами или «держание» вещей наблюдалось, как обычное владение, до появления собственности и будет существовать, как такое же явление, и после уничтожения собственности.

Более чем понятно, что частная собственность на вещи, или собственность государственная, или собственность какой-либо группы людей, хотя бы и синдиката, по существу ничем не отличаются одна от другой и все равно не приемлемы анархистами-коммунистами.

Отцом собственности является насилие, захват. В собственность захватывались люди, земля, всевозможные вещи. Римское право, лежащее в основе всех современных законодательств так называемых цивилизованных стран, видело основу собственности в военной добыче, — другими словами, собственность считалась следствием насилия, т. е. злоупотребления, а далее являлось и причиной разнообразных злоупотреблений.

Римское право, право захватчиков-завоевателей, и вытекающее из него право современных государств, если и считается с подобием справедливости, то только при дележе добычи, будь то подати, прибыль, процент и проч.

* Римское право определяет собственность, как «право пользоваться и злоупотреблять своей вещью, поскольку это позволяет смысл права.» Слово *abutendi* по школьному толкованию, имеющему за собой серьезные основания, переводится словом «злоупотреблять». Но независимо от римского текста, данное выше определение собственности — безусловно точно, научно.

Это — «справедливость» разбойников, делящих добычу. Все современное право (законы) — это охрана «добычи» и указания, как делить ее.

В разное время то одни, то другие вещи являлись вещами, которыми было очень удобно и выгодно злоупотреблять. Таким образом собственностью стало оружие, потом рабы, потом земля, потом всевозможные средства производства, в том числе фабрики и заводы со всем их оборудованием, а также и средства потребления — дома, товары.

Для того, чтобы собственность — право злоупотребления вещами, — могла существовать, необходимо не только породившее ее насилие, но и насилие, мешающее прекратить это злоупотребление. Современное государство — государство собственников и насильников — организовало для поддержки собственности разные учреждения непосредственного насилия — войско, полицию, собрания законодателей и проч. Если бы насилие и его учреждения перестали действовать, если бы угроза насилием не тяготела бы над людьми, то собственность исчезла бы, очистив место владению вещами.

Собственность на землю, на средства производства, перевоза и торговли, на сдаваемые под квартиры дома и пр. в разумно сложившемся общежитии заменится общим достоянием.

Общее достояние — институт обычного и договорного (в анархическом понимании этих слов) права не имеет в существе своем чего-либо общего с институтом собственности. Это, во-первых, равное (для всех могущих и желающих) право пользоваться всеми принадлежащими средствами производства при наличии равных условий труда и, во-вторых, в своем полном развитии это — равное для всех людей право пользоваться продуктами общественного труда.

Вещи, принадлежащие всем, тем самым никому в отдельности не принадлежат. Это — ничьи вещи, как ничьим является, например, воздух. <...>

Ничьи вещи будущего не имеют ничего общего с ничьими вещами римского права, которые становятся собственностью первого захватившего их человека. Важно как раз то, что никто не может завладеть ими. Они — ничьи не потому, что их нельзя захватить в собственность, а потому, что такого захвата не допустит общежитие, общественное понимание справедливости.

Ничьими вещами нельзя злоупотреблять, как злоупотребляют собственностью. Никто не сможет, раз средства производства

станут ничьими вещами, заставить платить за пользование ими. Здесь немислимо также пользование этими вещами одной группой в ущерб другой группе лиц. <...>

Ничьи вещи — не отчуждаемы. Здесь немислима купля-продажа, заклад, аренда, отдача в обработку наемникам и прочее. Немислимы при учреждении ничьих вещей заработная плата, прибыль, процент, арендная плата, гонорар. Мыслим только общественный доход, равномерно распределяемый между членами общества.

Трудящийся будет, разумеется, пользоваться средствами производства и только до тех пор, пока он ими пользуется, они и принадлежат ему, но не как собственнику, а как производителю, работающему при их посредстве. Ведь и современный рабочий пользуется при работе чужой, не принадлежащей ему на праве собственности машиной.

Если человек перестал работать, то есть пользоваться средствами производства, при их посредстве может начать работать всякий желающий. Труд при посредстве каких-либо средств производства — при условии существования ничьих вещей — не создает для трудящихся права собственности на них. Он дает только право пользоваться ими как раз в течение того времени, пока этот труд продолжается.

Более чем ясно, что в будущем обществе каждый будет пользоваться всевозможными предметами непосредственного потребления, не нанося таким пользованием ущерба другому, не беря больше, когда другой получит, благодаря такому захвату, меньше. <...>

XXIII

<...> Каждый коллектив людей организовался сам собою, при взаимодействии окружающей его среды и его личного состава. Новая техника появилась только тогда, когда этот коллектив, в лице своих членов, был способен и создать ее, и пользоваться ею. Для того, чтобы новая техника применялась, организаторы были не нужны. Мало того, — эта новая техника не могла появиться в коллективе, не способном пользоваться ею. И если коллектив не способен применять какую-либо технику, «организаторы» не могут научить его этому. <...>

Появление насильников-победителей и их, опиравшихся на институты насилия, преемников — появление старшин,

вождей, жрецов, рабовладельцев, феодалов, крепостников, землевладельцев-помещиков, предпринимателей, правителей и пр. и пр. — только помешало обществу организовать наивыгоднейшим для него образом, задержало его прогресс. Все эти лица не были, как таковые, организаторами ни в деле производства, ни в других отраслях полезной для человечества деятельности. Они организовали только захват-насилие и его институты.

В области людских взаимоотношений всё ценное и полезное было выработано не вождями, не организаторами всех видов, а общежитием людей. <...>

Общежития людей не нуждались в этих называемых организаторами насильниках. Они являлись чуждым, вредным, паразитическим, хищным придатком к общежитию. Сложившийся под их влиянием исторический процесс был вреден для общежития и не является неизбежным. Основываясь на строго научных данных, анархисты-коммунисты рассчитывают на творчество масс, а не на обычную бестолковую и пагубную деятельность так называемых вождей.

Все рассуждения о том, что переход к социалистическому строю мыслим только при большей, чем теперь, концентрации капиталов, при хроническом недостатке рынков для капиталистической промышленности и пр. и пр., не имеет в своей основе ни грамма науки, и их приходится считать отвергнутыми гипотезами.

Еще более не обоснована вера в то, что какая-либо группа правителей-организаторов может по своему желанию организовать общество на желательных для них началах.

В историческом процессе, понимаемом так, как это изложено немного выше, имеется место для большой революции. Ее задача — выбросить из общежития организаторов-самозванцев, а в сущности насильников, уничтожить, как ими созданные, так и могущие возникнуть, пока только мыслимые, институты насилия и дать человечеству организовать на ему свойственных началах.

XXIV

Громадной и пагубной ошибкой надо считать стремление социал-демократов и коммунистов-государственников организовать общество на социалистических началах посредством государства,

т. е. правителей, так как историческое учреждение нельзя заставить работать по произволу.

«Нас, — пишет П. А. Кропоткин, — хотя и уверить, несмотря на неудачи, что старая машина, старый организм, медленно вырабатывавшийся в течение хода истории, с целью убивать свободу, поработать личность, подыскивать для притеснения законные основания, отуманивать человеческие умы, постепенно приучая их к рабству мысли, — каким-то чудом вдруг окажется пригодным для новой роли: вдруг явится и орудием, и рамками, в которых создастся новая жизнь, водворится свобода и равенство на экономическом основании, наступит пробуждение общества и завоевание им будущего.

Какая нелепость! Какое непонимание истории! Чтобы дать простор широкому росту социализма, нужно вполне перестроить все общество, основанное на узко лавочническом индивидуализме. Вопрос не только в том, чтобы, как иногда выражаются на метафизическом языке, “возвратить рабочему целиком весь продукт его труда”, но в том, чтобы изменить самый характер отношений между людьми, начиная с отношений отдельного обывателя к какому-нибудь церковному старосте или начальнику станции и кончая отношениями между различными ремеслами, городами и областями. На всякой улице, во всякой деревушке, в каждой группе людей, сгруппировавшейся около фабрики или железной дороги, должен проснуться творческий, созидательный и организационный дух для того, чтобы на фабрике и на железной дороге, и в деревне, и в складе продуктов, и в потреблении, и производстве, и в распределении всё перестроилось по новому. Все отношения между личностью и человеческими группами должны будут подвергнуться перестройке с того самого часа, когда мы решимся дотронуться впервые до современной общественной организации, до ее коммерческих или административных учреждений.

И вот эту-то гигантскую работу, требующую свободной деятельности народного творчества, хотят втиснуть в рамки государства, хотят ограничить пределами пирамидальной организации, составляющей сущность государства! Из государства, самый смысл существования которого заключается в подавлении личности, в уничтожении всякой отдельной группировки, всякого свободного творчества, в ненависти ко всякому личному почину и в торжестве одной идеи (которая по необходимости должна быть идеей посредственности), — из этого-то механизма хотят

сделать орудие для выполнения гигантского превращения! Целым общественным обновлением хотят управлять путем указов и избирательного большинства! Какое ребячество!»

Всякое государство, хотя бы оно было и республикой с социалистическим правительством во главе, придерживается старинных вредных учреждений — власти и собственности. Поэтому-то всякое государство консервативно. И современное Российское государство укрепляет власть, хотя его правители искренно говорят об анархизме, как о следующем этапе освобождающегося человечества.

И современное государство именно потому, что оно государство, сохраняет и не может не сохранить податную эксплуатацию человека человеком. Оно сохраняет собственность на средства производства и тогда, когда берет промышленные заведения из рук частных предпринимателей в собственность Российской республики. Казенные заводы казенными заводами и останутся, отнюдь не являясь общенародным достоянием. И современное государство своей опекой над подвластными ослабляет самостоятельность, возбуждает ложные надежды, так как переустройство общежития на вольных социалистических началах посильно только миллионам голов и рук, а не властелинам, всегда бессильным в деле творчества.

Тем не менее, простая справедливость требует отметить, что государство коммунистов (большевиков) проявило себя в борьбе со старыми, созданными дворянством и буржуазией формами государства — разрушительной силой. Своей интенсивной борьбой с буржуазией, проявившейся в устранении буржуазии от принадлежавших ей орудий эксплуатации, оно расчистило до некоторой степени дорогу трудящимся. Рядом революционных мероприятий, неслыханных в истории государства, оно ослабило наиболее стройного и вместе с тем наиболее мощного и беспощадного врага рабочего класса — буржуазию. Для многих анархистов вполне ясно, что с буржуазией и ее традициями, ее духом бороться не легче, если не труднее, чем бороться с властными инстинктами.

XXVI

Анархисты-коммунисты отрицательно относятся к тем проектам социалистического государства, которыми, хотя и изредка, прельщают рабочих социал-демократы. Остановимся на этих про-

ектах в немногих словах, заметив, что коммунисты-большевики организуют в России социалистическое государство, но смотрят на него почти исключительно, как на машину для сломки государства буржуазного типа, на место которого в более или менее отдаленном будущем станет анархический строй общества. Впрочем, нельзя не заметить, что Российское государство большевиков отнюдь не воспитывало, а скорее подавляло в людях те качества, которые необходимы для анархиста.

Социал-демократическое государство, по существу, ничем не будет отличаться от современного государства: та же власть и та же необходимость в этой власти.

Правительство необходимо там, где царит неравенство дохода. Вот почему государство будет неизбежным и необходимым в социал-демократическом обществе, не придерживающемся равенства доходов. Государство присуще обществу социал-демократическому в такой же степени, в какой несовместимо с коммунистическим строем. <...>

Напрасно вместо слова «государство» подставляются слова: «пролетариат, захвативший власть в свои руки.» <...>

Во всех случаях, когда социалисты-государственники какой бы то ни было школы пытаются нарисовать или осуществить свое «социалистическое государство», их фантазии и «предвидение» не идут далее описаний строя государственного капитализма, по недоразумению называемого социализмом.

XXVII

На страницах изданий большевиков-коммунистов и в речах некоторых из них мы встречаемся с протестами против анархического строя, основанными на явном недоразумении. С одной стороны, нам говорят, что анархисты являются сторонниками маленьких, состоящих из немногих членов, коммун, что поэтому в анархическом обществе не возможно крупное производство, а, с другой, — нам говорят, что анархисты хотят декретировать отмену государства. Так, например, в книге Бухарина «Программа коммунистов-большевиков», изданной Российской коммунистической партией (большевиков), мы читаем об анархизме следующие странные слова:

«Анархисты думают, что лучше всего, свободнее всего будет житься людям тогда, когда они разобьют все производство по маленьким трудовым обществам-коммунам. Набралась компания, артель в 10 человек, по добровольному согласию — прекрасно. Эти 10 человек начинают работу на свой страх и риск. В другом месте возникла другая такая артель, в третьем — третья. А потом эти артели начинают между собою входить в переговоры и соглашения; одной не хватает одного, другой другого. Понемногу они уговариваются между собой, заключают свободные договоры. И вот все производство движется в этих маленьких коммунах. Ведь анархическая коммуна — это не громадное сотрудничество людей, а кучка, которая может насчитывать даже двух человек.

В Петербурге вот была такая группа «Союз пяти угнетенных». По анархическому учению может быть союз и двух угнетенных. Представьте себе теперь, что выйдет, если каждый пяток людей или каждая двойка начнет самостоятельно реквизировать, конфисковать и потом работать на свой страх и риск. В России найдется около ста миллионов трудящегося населения. Если бы оно образовало союзы «Пяти угнетенных», так в России оказалось бы 20 миллионов (а каждый миллион — это тысяча тысяч) таких коммун. Можно себе вообразить, какое вавилонское столпотворение стало бы, если бы эти 20 миллионов коммун начали бы самостоятельно действовать».

Всё сказанное от начала до конца — сплошная ошибка. Ничему похожему на сказанное анархизм не учит. Начнем с мелочи. В петроградский «Союз пяти угнетенных» входило более пяти человек. Под словами «Пять угнетенных» членами союза понималась не личность пяти человек, а личность *пяти громадных категорий угнетенных*: 1) рабочий класс, 2) угнетенные нации, 3) женщины, 4) дети, 5) личность. Вот какие обширные категории могли входить в союз пяти угнетенных, о котором Бухарин упоминает в доказательство того, что анархисты признают только маленькие коммуны.

Правда, у *Штирнера* мы встречаемся с указанием на союз из двух человек, но выдавать учение Штирнера за учение современного анархизма так же несерьезно, как выдавать какое-либо из невозможных положений Сен-Симона за современное учение социализма или утопию Кампанеллы за современное учение коммунизма.

Кропоткин определенно говорит о величине анархических общин и говорит нечто буквально противоположное словам Бухарина.

«Когда, — пишет он, — буржуазные газеты, желая быть остроумными, советуют дать анархистам особый остров и предоставить им там основать коммуну, то, пользуясь опытом прошлого, мы ничего не имеем против этого предложения. Мы только потребуем, чтобы этот остров был “Остров Франции” (провинция *Il de France*), в которой находится Париж, и чтобы нам отдали нашу долю общественного богатства, сколько его придется на человека».

Таким образом, известный теоретик и учитель анархизма — П. Кропоткин требует для основания анархической коммуны два промышленных департамента Франции с городом Парижем, в котором, считая и предместья, проживает около трех миллионов человек. Еще яснее Кропоткин говорит следующими фразами:

«Один какой-нибудь город, если бы он ввел у себя коммунистический строй, не распространивши его на соседние деревни, встретил бы на своем пути очень большие трудности. Ввести коммунистическую жизнь следовало бы сразу в известной области, например, в целом американском штате Охайо или Айдахо, как говорят наши американские друзья социалисты. И они правы. Сделать первые шаги к осуществлению коммунизма надо будет в довольно большой промышленной и земледельческой области, а не отнюдь не в одном только городе».

Таким образом, маленькая анархическая коммуна Бухарина в сущности — не коммуна, рекомендуемая анархистами, а коммуна, о которой он для чего-то разговаривает, и именно у Кропоткина мы встречаем указание на невозможность организовать мелкие общины: «маленькая община не может долго просуществовать», — писал он.

Современной анархической коммуной будет коммуна, охватывающая весь земной шар, причем, чем больше коммуна, тем лучше.

Анархисты, конечно, не думают декретировать отмену государства. Декрет — это излюбленное орудие в руках государственныхников и не может быть орудием анархистов. Государство исчезнет вместе с исчезновением собственности; исчезнет тогда, когда люди убедятся, что власть правителей также не нужна, как проявляемая жрецами и священниками власть мнимых богов. Правда, Прудон говорил о декретировании отмены государства, но ссылаться на слова Прудона, говоря об анархистах нашего времени так же неуместно, как ссылаться на Кабе, говоря о современных социалистах.

Говорить, что анархисты требуют разрушения государства, что они хотят смести его с лица земли, опять-таки нельзя. Эльцбахер говорит по этому поводу: *«Если это правильно, в таком случае учения Бакунина, Кропоткина и все другие учения, признаваемые за анархические, которые только предвидят устранение государства, нужно считать не анархическими».*

Разногласие между коммунистами-большевиками и анархистами-коммунистами лежит и в понимании роли революции.

В лице своих идеологов коммунисты-большевики утверждают, что буржуазное государство может быть сметено революцией и сметено ею в России в наше время. Государство же социалистическое умрет естественной смертью, само упразднится за ненадобностью.

Мы вовсе не сторонники революционного насилия во что бы то ни стало. *Если государство, в силу каких-либо невыясненных и нам неизвестных законов, отомрет, а не будет сброшено революционным взрывом, то тем лучше.*

Мы знаем, конечно, что революции не импровизируются, не могут быть созданы по воле даже могучих организаций. Знаем, что они вспыхивают под влиянием глубоких причин, из которых важнейшей является энергия, накопленная народной массой и не нашедшая себе исхода вне революции. Если потенциальная энергия очень велика, если она не будет потрачена на свержение государства старо-буржуазного типа, то ее стихийный взрыв может снести и государство социалистическое. И вот этот взрыв неизбежен в том случае, если ставшее ненужным государство не догадается объявить себя ненужным учреждением и «отмереть».

Заметим еще раз, что государство социалистическое может и отмереть, точнее, быть уничтоженным всенародным бойкотом, о чем по отношению ко всякому государству мечтал анархист-коммунист Л. Н. Толстой.

Таким образом, мы имеем перед собой две гипотезы, которые сходны только в том, что государство считается временным, подлежащим уничтожению учреждением.

Мы нередко встречаемся с ссылками на биологию с указанием на то, что в природе нет скачков, что появление новых видов происходит эволюционно, что поэтому и новый общественный строй может быть результатом только эволюции.

Но не говоря о том, что биологические законы нельзя переносить на социологические явления, заметим, что революции

в природе, поскольку дело идет хотя бы о появлении новых видов, более чем часты. <...>

Невозможность революции, уничтожающей социалистическое государство, до настоящего времени научно не доказана и доказана, как кажется, не будет. Но, конечно, большая революция ничего общего не имеет с попытками заменить насильственным путем власть социалистов какой-либо иной властью. Анархисты — против таких попыток. <...>

